

Род купцов Морокуевых происходит из экономических крестьян и известен в Ростове с середины XVIII в. По данным Переписных книг 2-ой ревизии 1749 г., в приходе церкви Всех Святых значатся оброчными жителями три семейства носителей этой фамилии. Это Сидор Алексеевич Морокуев 57 лет, его родной брат Андрей Алексеевич 45 лет; Федор Иванович Морокуев 34 лет с сыном Петром 9 лет; Василий 13 лет и Семен 10 лет – сыновья отданного в рекруты Василия Ивановича Морокуева¹.

Обратимся к истории рода Ф.И. Морокуева (род. ок. 1715-1761). По книге 3-ей ревизии 1764 г. его сыновья Петр, Гаврила, дочери Прасковья, Авдотья все еще числятся оброчными жителями². Под 1774 г. П.Ф. и Г.Ф. Морокуевы проходят, как записавшиеся в 3-ю купеческую гильдию разночинцы с общим капиталом 600 р.; в начале 1780-х гг. братья – уже купцы 2-ой гильдии³. Сведений об их торговой деятельности не обнаружено, но, судя по гильдейской принадлежности, доходы она приносила неплохие. В 1784 г. между братьями произошел семейный раздел, по которому капитал каждого составил 3000 р., но до 1789 г. они продолжали жить в общем деревянном доме⁴.

Гавриле Федоровичу Морокуеву (род. ок. 1751 – сконч. ок. 1834) принадлежало три каменных 2-х этажных дома в кремле города и одноэтажный дом на ул. Московской⁵. Род его пресекся из-за отсутствия потомков по мужской линии. В их с Прасковьей Дмитриевной семье было четыре дочери: Анна, Федора (род. ок. 1784 – 1849), Марья (в замуж. Кайдалова, род. ок. 1790 – ?) и Марфа (в замуж. Маскалева, род. ок. 1791 – ?)⁶. Федора была выдана замуж за А.А. Титова. Их сын Иван Андреевич Титов (1800-1866) - дед известного историка и общественного деятеля Андрея Александровича Титова (1844-1911). По завещанию Г.Ф. его дочери получили в наследство по каменному дому; кроме того, каждая из них имела равную долю доходов с дома, находившегося в общем владении⁷.

Петр Федорович Морокуев (род. ок. 1740-1811) был женат на Анне Михайловне (урожд. Кононова, сконч. 1791). В их семье родились дочь Агрофена и трое сыновей – Андрей, Иван, Василий (род. ок. 1772-1792)⁸.

Известно, что старший, Андрей Петрович (1763 – 1829, жена Пелагея Дмитриевна), был бездетным⁹. На его пожертвование построена колокольня (1821) Всехсвятской церкви¹⁰.

Род Морокуевых продолжился по линии Ивана Петровича (род. ок. 1771 – 1825, жена Надежда Борисовна, урожд. Ананьина)¹¹. У них были не только дочери Агрофена (1803-1811), Александра (род. ок. 1795-1815, в замуж. Трусова), Екатерина (род. ок. 1796-1877, в замуж. Кобыляцкая)¹², но и сыновья Михаил и Николай.

П.Ф. Морокуев, а затем и его сыновья вели торг мануфактурным товаром, выезжая на ярмарки в Калугу, Стародубскую сторону, Курск, Ромны, Почеп, Харьков, Кролевец, Одессу. Причем, торговые дела на Украине вел Андрей, а Иван распорядился в Калуге и Стародубе. Оборотный капитал семьи в 1808 г. составлял 50 тыс. р.¹³ Высокие доходы позволяли Морокуевым и приобретать участки земли, и вести домовое строительство. Их земельные владения располагались в первом квартале ул. Всехсвятской. Около 1790 г. в самом начале улицы П.Ф. был выстроен одноэтажный каменный дом, а затем на его месте – 2-х этажный с мезонином. В 1804 г. Петр Федорович купил у своего брата Г. Ф. за 100 р. близлежащий участок «дворовой и огородной» земли площадью 1040 кв. м.¹⁴

Строительство своего двухэтажного особняка Морокуевы завершили к 1810 г. (кстати, он существует до сих пор: это второй дом от угла на нечетной стороне ул. Октябрьской в ее первом квартале). Внутреннее его убранство составляли дорогие вещи – мебель красного дерева, серебряная, фарфоровая и хрустальная посуда¹⁵, иконы в серебряных окладах¹⁶.

В этом доме размещалась все большая семья П.Ф. – сыновья с женами, внуки. Один из этих внуков заслуживает особого внимания. Это сын Ивана – Михаил (1789-1853). В свое время именно он сохранил документы, которые в дальнейшем оказались в архиве А.А. Титова, а затем – собрании ГМЗ «Ростовский кремль». Ныне эти документы выделены в особый фонд (294); они представляют собой уникальный комплекс, привлекающий внимание

исследователей обилием сведений социального и бытового характера, касающихся менталитета и уклада жизни ростовского купечества в первой половине XIX в.

Ряд документов этого фонда впервые публикуется в настоящем издании, в т.ч. полный текст воспоминаний М.И. Морокуева – «Замечания для себя» (См. приложение 1.).

Кроме воспоминаний, в архиве М.И. Морокуева сохранилось 72 письма разных лиц к нему и его собственных (ряд фрагментов из писем также публикуются ниже).

Эти письма позволяют познакомиться с его историей жизни, миром увлечений, а также характеризуют одаренного (в том числе и литературно), незаурядного человека, уму и всестороннему развитию которого надо отдать должное. Он родился «во мраке невежества и злейших суеверий перекрещеванцев»¹⁷ и получил лишь самое элементарное образование (был обучен только чтению и письму). Но, благодаря блестящим способностям, под влиянием дяди Андрея Петровича и своих друзей, шуйских купцов В.М. и Д.В. Киселевых, сумел стать одним из культурнейших и образованнейших людей Ростова первой половины XIX в.

Михаил Иванович имел лучшую в Ростове по своему времени библиотеку – ок. 1000 томов и собрание «древностей»¹⁸. Научился разбираться в живописи: в его коллекции было собрание картин и эстампов, среди которых – четыре произведения кисти В.А. Тропинина, портреты местных духовных деятелей. Кроме того, в его доме хранилась коллекция из 47 ружей, начало которой относилось к 1812 г. Судьба собрания М.И. неизвестна, сохранилась лишь его подробная опись, составленная профессионально и любовно, позволяющая судить, насколько интересным и необычным для небольшого города оно было¹⁹. (См. приложение 9.) Коллекционирование требует немалых средств. У М.И. они были. Имея опытных наставников, изучив торговое дело на практике, Михаил Иванович удачной торговлей сумел преумножить свой капитал. На 1830 г. его сумма составляла 322920 р.²⁰ Росту благосостояния М.И. немало способствовали и удачная женитьба (1807) на состоятельной Миропии Андреевне Серебрениковой (1792-1839), внучке ростовского фабриканта М.В. Серебреникова²¹, брак с которой позволил М.И. подняться на более высокую ступень ростовской социальной лестницы, и наследство в 120 тыс. р., полученное им в 1830 г. от дяди А.П. Морокуева и его жены Пелагеи Дмитриевны²².

С Киселевыми, торговый оборот которых неуклонно возрастал с 1800 г. и к 1830 г. составил около 10 млн. р.²³, М.И. Морокуев был соединен не только узами дружбы, но и торгово-партнерскими отношениями. Об этом говорят дошедшие до нас письма Д.В. Киселева к М.И. Морокуеву²⁴. Всего писем 14. Михаил Иванович хранил их в память о безвременно ушедшем друге – Диомид Васильевич скончался от холеры в 1831 г. Письма его вдовы Александры Ивановны и сына Ивана Диомидовича свидетельствуют: пережить эту утрату им помогли Морокуевы. На похороны ездила невестка М.И. – Серафима Ивановна. В 1831-32 гг. она жила у Киселевых в Шуе²⁵. В 1832 г. А.И. Киселева гостила у Морокуевых в Ростове²⁶.

1820-1831 гг. составили самый обеспеченный период жизни М.И. Морокуева. В 1829 г. он значился уже по 1-й гильдии²⁷. С 1830 по 1833 г. пребывал по избранию на посту ростовского городского головы; есть данные, что в 1831 г. он организовывал в Ростове прием князей Ольденбургских²⁸. На время службы М.И. в этой должности пришлось страшная эпидемия холеры; события, связанные с эпидемией, коснулись и его собственной семьи. В 1830 г. сыновья М.И. Константин и Николай попали в карантин близ г. Рогачева, что принесло их родителям немало беспокойства²⁹. (См. приложение 2.) И если бы не семейная тяжба 1826-30 гг., это был бы и самый спокойный и счастливый период его жизни³⁰.

Со смертью Д.В. Киселева в делах М.И. начался спад. Неограниченный кредит, которым он пользовался у Киселева-отца, Киселев-сын, судя по переписке, прекратил. В 1831-33 гг. их дружеские и деловые контакты еще поддерживались, а потом, из-за не погашаемых своевременно долгов, начались трения³¹. Прежние отношения сохранялись лишь с Александрой Ивановной, вышедшей ок. 1837 г. замуж за Андрея Ивановича Гильденбрандта³². Документы свидетельствуют: это были люди не только состоятельные, но и благородные. Они не оставили М.И. в страшном несчастье, постигшем его: 22 апреля 1838 г. сгорела основанная в 1833 г. бумагопрядильная фабрика Морокуева. Письма М.И. этого

периода полны горечи утрат (в 1839 г., не выдержав горя, скончалась Миропия Андреевна) и упования на Божью волю. Вызывают сочувствие и уважение его попытки сохранить доброе имя, расплатиться с долгами, содержать семью, устроить судьбу сына Ивана. (См. приложения 3, 4.)

В течение шести лет супруги Гильденбрандт давали своему другу отсрочки на выплату долга. М.И. за это время переселился в Варницы, где у него был участок земли, и занимался сельским хозяйством, которое давало средства на существование. Не роптал! (См. приложения 5, 6, 7.)

И судьба смиростивилась. В 1844 г. он получил неожиданное наследство от дальнего родственника³³. (См. приложение 8.). Дела его поправились, и в 1844 г. в возрасте 54 лет Михаил Иванович во второй раз женился. Его супругой стала 22-летняя Анна Петровна Козмина³⁴.

И, хотя прежнего уровня благосостояния он не достиг, семья его не нуждалась. На 1847 г. во владении Потомственного почетного гражданина Ростова М.И. Морокуева состояли два 2-х этажных дома (каменный во 2-м квартале Всехсвятского прихода и деревянный в 3-х верстах от Ростова, близ Варниц) и семь земельных участков, общая площадь которых составляла ок. 20 000 кв. сажен, или 4 га³⁵.

О потомках М.И. Морокуева сведений очень немного. Известно, что в браке с Миропией Андреевной родились Александр (1808-1808), Николай (род. ок. 1811), Александр (1812-1812), Константин, Владимир (род. ок. 1828), Иван (род. ок. 1837), Софья (род. ок. 1839)³⁶.

Н.М. Морокуеву в 1853 г. принадлежал картофеле-паточный завод с объемом годового производства в 1000 пудов патоки³⁷.

От второго брака у М.И. были Александр (род. 1847) и Ольга (род. 1850)³⁸. Судьба их неизвестна.

Как уже говорилось, у М.И. Морокуева был единственный брат – Николай (1811-1863)³⁹.

Сведений об участии Н.И. Морокуева в торговом семейном деле нет. Известно, что до своей женитьбы он работал под руководством старшего брата, который устроил его брак с Елизаветой Диомидовной Киселевой (1813-1853)⁴⁰. Когда в 1838 г. сгорела фабрика Михаила, убытки понес и Николай. Материальное положение его ухудшилось настолько, что в 1841 г. он вынужден был просить А.И. Гильденбрандта места управляющего в его имении Перынь⁴¹. Но после получения наследства (1844) финансовое положение его улучшилось.

В 1849-1857 гг. во владении Почетного гражданина, ростовского 2-й гильдии купца владении Н.И. Морокуева состояла миткалево-ткацкая фабрика. Она располагалась в Ростове, в деревянном здании на «Ивановской улице, идущи к Кремлю по левой стороне». Там же у него был и деревянный одноэтажный дом на каменном фундаменте и каменный флигель⁴². В 1853 г. на фабрике производилось товаров на сумму 25300 р.; сбыт был в Москве⁴³.

В нач. 1850-х гг. Н.И. служил городским головой Ростова. Его деятельность на этом посту освещалась в газете Ярославские губернские ведомости за 1854-56 гг.⁴⁴

К сожалению, за отсутствием документов трудно судить об уровне образованности и культуры Н.И. Морокуева. Хотя по одному засвидетельствованному факту – его участие 18 апреля 1861 г. в неофициальном осмотре памятников кремля наряду с И.И. Храниловым, о. Аристархом Израилевым, Н.Н. Клириковым, после чего Хранилов решил на реставрацию кремлевских церквей⁴⁵, – можно говорить и о круге знакомых Н.И., имевших в те времена передовые взгляды, и в какой-то мере – о его интересах.

В 1863 г. Н.И. Морокуева не стало. Наследница его – дочь Мария Николаевна Быкова (1833-1868)⁴⁶ была слабого здоровья. В то время она лечилась в Швейцарии. В наследство не

вступала, а выдала доверенность на право ведения всех дел своему свекру Никите Харитоновичу Быкову⁴⁷. Дочь М.Н. и И.Н. Быковых Елизавета Ивановна Быкова дожила до октябрьского переворота 1917 г. В 1920 г., очевидно, нуждаясь в средствах для существования, продала в Ростовский музей портреты своих родителей⁴⁸. Потомков у нее не было.

Таким образом, представителей рода Морокуевых в Ростове не осталось никого.

И только сохранившийся в некрополе Ростовского Богоявленского монастыря могильный памятник Андрею Петровичу Морокуеву, с трогательной надписью «Дяде и благодетелю», напоминает о купеческой фамилии, носители которой некогда были здесь известны, уважаемы и играли не последнюю роль в самоуправлении, общественной и культурной жизни города.

«Sic transit gloria mundi»...

Якорь: #prim

1. Найденов Н.А. Ростов. Материалы для истории города XVII и XVIII столетий. М., 1884. С. 58.; в Дозорных и Переписных книгах под 1692 г. упоминается некий митрополичий крестьянин Кондратий Маракуев, имевший «кузнечное место да угольник». Титов А.А. Дозорные и Переписные книги древнего города Ростова. Москва, 1880. С. 63., но его родственные связи с исследуемой фамилией не установлены.
2. Найденов Н.А. Ростов... С. 68.
3. РФ ГАЯО. Ф. 204. Оп. 1. Д. 2. Л. 28 об.; Ф. 204. Оп. 1. Д. 2458.; Ф. 1. Оп. 1. Д. 143. Л. 28.
4. ГМЗРК. Р-755. Л. 6.
5. РФ ГАЯО. Ф. 204. Оп. 1. Д. 3013.; там же. Ф. 204. Оп. 1. Д. 5013.; совр. адрес одного из них известен: ул. 50 лет Октября, 17 // Мельник А.Г. Исследование памятников архитектуры Ростова Великого. Ростов, 1992. С. 123.
6. РФ ГАЯО. Ф. 371. Оп. 1. Д. 35. Л. 70., РФ ГАЯО. Ф. 204. Оп. 1. Д. 5102.
7. Нечаев Н.С. О родословной // газета «Ростовская старина». 1994, 27 октября. Примечательно, что И.А. Титов был воспитан дедом Г.Ф. и так же, как он, воспитал собственного внука Андрея.
8. ГМЗРК. Р-755. Л. 6.
9. ГМЗРК. Ф. 294. Оп. 1. Д. 2.
10. Мельник Л.Ю. Летопись Ростова Великого // газета «Ростовская старина». 2000, 25 апреля.
11. РФ ГАЯО. Ф. 241. Оп. 1. Д. 161.; Ф. 14. Д. 933. Л. 25.
12. РФ ГАЯО. ГМЗРК. Р-755. Л. 18 об.; Ф. 371. Оп. 1. Д. 35. Л. 94 об., 133.; Виденеева А.Е. Некрополь Ростовского Спасо-Яковлевского монастыря // СРМ. Вып. VI. Ростов, 1994. С. 93.
13. ГМЗРК. Р-755. Л. 12.
14. «...по Всесвятской улице каменный 2-х этажный дом с мезонином 2-ой гильдии купца Михаила Ивановича Морокуева». РФ ГАЯО. Ф. 241. Оп. 1. Д. 437. Л. 57.; ГМЗРК. Ф. 294. Оп. 1. Д. 1.

15. Сазонова Е.И. Мир вещей ростовского обывателя первой половины XIX века: «Домашний скарб и носильная одежда» // ИКРЗ. 1992. Ростов, 1993. С. 154. Заметим, что Надежда Борисовна ошибочно названа женой Петра Федоровича Морокуева. Она – жена его сына Ивана Петровича.
16. Икон в их доме было 35. Сазонова Е.И. Мир вещей ростовского обывателя XIX в.: домашние иконы // ИКРЗ. 1995. Ростов, 1996. С. 190, 191.
17. ГМЗРК. Р-755. Л. 1.
18. Сазонова Е.И. Мир вещей ростовского обывателя... // ИКРЗ. 1992. Ростов, 1993. С. 156.
19. ГМЗРК. Р-1055. Атрибутирована в 2001 г. Колбасова Т., Крестьянинова Е. Ростовский коллекционер // газета «Ростовская старина». 2001. 27 марта.
20. ГМЗРК. Ф. 294. Оп. 1. Д. 5. Л. 3 об.
21. Сазонова Е.И. Ростовские купцы Серебренниковы // СРМ. Вып. VI. С. 72., 78.; ГМЗРК. Р-755. Л. 9.
22. ГМЗРК. Ф. 294. Оп. 1. Д. 2.; ГМЗРК. Ф. 294. Оп. 1. Д. 2
23. ЯГВ. 1853. № 36, 37, 38. Выражаем благодарность сотруднику ГМЗРК Т.В. Колбасовой, указавшей на эту статью.
24. ГМЗРК. Ф. 294. Оп. 1. Д. 4.
25. ГМЗРК. Ф. 294. Оп. 1. Д. 6. Л. 3, 5.
26. ГМЗРК. Ф. 294. Оп. 1. Д. 7. Л. 11.
27. РФ ГАЯО. Ф. 204. Оп. 1. Д. 4235. Л. 8.
28. ГМЗРК. Ф. 294. Оп. 1. Д. 15.
29. ГМЗРК. Ф. 294. Оп. 1. Д. 9.
30. РФ ГАЯО. Ф. 241. Оп. 1. Д. 161. Дело заключалось в денежных претензиях, которые предъявляла М.И. его мать – овдовевшая Надежда Борисовна; за всеми ее поступками угадывается желание дочери, подполковницы Е.И. Кобыляцкой, улучшить свое собственное материальное положение.
31. Долг М.И. составлял 300 тыс. р. ГМЗРК. Ф. 294. Оп. 1. Д. 7. Кстати, М.И. долги выплачивал. Есть расписка на 10000 р., принятых Ив. Киселевым от братьев Морокуевых. в 1833 г. 294, 1. 16.; в 1834 г. – 30000. Д. 7. Л. 19.
32. ГМЗРК. Ф. 294. Оп. 1. Д. 20.
33. ГМЗРК. Ф. 294. Оп. 1. Д. 18.
34. РФ ГАЯО. Ф. 371. Оп. 1. Д. 301. Л. 10 об.; сохранился интереснейший дневник Анны Петровны Морокуевой. ГМЗРК. Ф. 294. Оп. 1. Д. 27.; Крестьянинова Е.И. К вопросу об особенностях и традициях субкультуры ростовского купечества в 50-е гг. XIX в. (по дневнику Анны Маракуевой) // ИКРЗ-2003. Ростов, 2004. С. 281-290.; ее же. Журнал Анны Маракуевой // СРМ-XV. Ростов, 2005. С. 72-99.
35. ГМЗРК. Ф. 294. Оп. 1. Д. 25. Л.
36. ГМЗРК. Р-755. Л. 14, 18.; Ф. 294. Оп. 1. Д. 25.; РФ ГАЯО. Ф. 241. Оп. 1. Д. 437. Л. 57.
37. Титов А.А. Статистико-экономическое описание Ростовского уезда Ярославской губернии. СПб, 1885. С. 318.

38. ГМЗРК. Ф. 294. Оп. 1. Д. 25.
39. Виденеева А.Е. Некрополь Ростовского Спасо-Яковлевского монастыря // СРМ. Вып. VIII. Ростов, 1994. С. 98.
40. ГМЗРК. Ф. 294. Оп. 1. Д. 26.
41. ГМЗРК. Ф. 294. Оп. 1. Д. 21.
42. РФ ГАЯО. Ф. 241, Оп. 1. Д. 437. Л. 72 об., 73.
43. Титов А.А. Статистико-экономическое описание Ростовского уезда Ярославской губернии. СПб, 1885. С. 318.
44. На это время прихлась Русско-турецкая война. События в Ростове: 19 июля 1855 г.- торжество освящения знамени Ростовской № 128 дружины государственного подписного ополчения; 23 июля – прощальная трапеза ратников ополчения; 24 июля – проводы ополчения. ЯГВ. 1855. № 34., 36., С. 284., 368.; через год дружина вернулась, встреча 20 июля 1856 г. ЯГВ. 1856. С. 394.
45. ЯГВ. 1884. № 27.
46. Виденеева А. Е. Некрополь ... С. 88.
47. РФ ГАЯО. Ф. 204. Оп. 5. Д. 2832.
48. Колбасова Т.В. Купеческий портрет из собрания Ростовского музея // СРМ. Вып. XI. Ростов, 2000. С. 183, 189.

Приложения

Во всех документах, публикуемых ниже, по возможности сохранены авторские орфография и пунктуация.

Приложение 1. ГМЗРК. Р-755.

Текст воспоминаний Михаила Ивановича Морокуева был опубликован с купюрами А.А. Титовым в журнале «Русский Архив» за 1907 год на страницах 107-129.

(Л. 1.)

Замечания для себя
Господи Благослови
Начаты писать с 1805 года

1789 октября 28 я родился в Ростове, в деревянном общем доме. Был первенцом у моих родителей – добрых, простосердечных и достойных всей моей любви и почтения. Семейство было велико, чего я не помню, состояние ниже посредственного, образ жизни простой и суровой, что совершенно и для меня памятно. Счастливые лета младенчества моего, как и всякого, прошли как сон; начало отрочества предоставлено было природе и случаю. До 10-ти лет голуби, бабки и змеи были забавою и должностию. Грамоте научен дома у тетки в келье, писать у священника – это уже считалось необходимостью. О дальнейшем образовании никто не имел понятия, и все, что выходило из круга познания наших домашних, считалось или ненужным, или вредным. Таков характер тогдашнего времени и обстоятельств, в которых находилось наше семейство. Этот промежуток в моей жизни, блаженный невинностью, как будто не существовал для меня совершенно.

1800 года июля 1 повезли меня в Украину, дядя мой Андрей Петрович. С сего времени сделались перемены в образе моих занятий и знакомств, что впоследствии имело решительное влияние на всю мою жизнь. Мог ли я предвидеть все это, будучи 10 лет. Но почтеннейший дядя мой Андрей Петрович, как опытный руководитель, без сомнения предвидел. С этого времени я сделался зависим во всем от него; любовь его ко мне, чуждая пристрастия, совершила то, что обыкновенно делает долг родителей просвещенных и опытных. Без сомнения, то угодно было промыслу,

(Л. 2.) но менее ли чрез то долг признательного сердца обязывает меня воздать должное моему Благодетелю – бытием нравственным я ему я обязан!

Знакомство, сведенное мною в Украине с самого начала с г. Киселевым, обратилось впоследствии между нами в искреннюю дружбу, которая решительно способствовала моему образованию, дала хорошее направление моим склонностям, и, усыпав цветами радостей душевных дни моей юности, не престаёт и теперь утешать меня в жизни. Кто бы мог угадать и предречь Союз сей, связующий наши сердца постоянно 25 лет.

Обширный ум – и сильный характер, внушающий почтение – но не любовь, принадлежат старому Киселеву; просвещенный ум и доброта душевная, забывающая обиды, даже до благодеяния, принадлежат дражайшему моему Другу, которого узнавши, самая ненависть очернить не посмеет. Две эти звезды были моими водительницами на первом пути моей жизни; смотря на них, я шел надежно, и не имел случая раскаиваться.

Упование на промысел Божий никогда меня не оставляло. Но, верно, так угодно было моему Создателю, чтобы я видел и узнал опасность чрез собственный опыт – для того попустил он мне родиться во мраке невежества и злейших суеверий перекрещеванцев, которыми тогда были все в доме нашем. Потом прямо с подвигов фарисейских – четок, (Л. 3.) – подрушников – и поклонов перешел я в руки злейших врагов Спасителя моего – вольнодумцев. Тогдашний наш приказчик, а мой дядя Александр Ананьин, был тот яд, который должествовал истребить во мне все доброе. Своим решительным примером и примером смелых и умных развратников, с которыми познакомил меня в Калуге, надеялся он, наверное, что сделает и меня себе подобным. Но зло, хотя и коснулось сердца, но недостаточно души моей. Милосердие Божие и здравый рассудок не допустили меня до конечной гибели. После многих [нрзб. м.б. всевозможных? – Е.К.] борений и Господь Спаситель мой восторжествовал! И я [нрзб.] ему принадлежащим, как и теперь, порыв юности, кто в себе не испытует!

С 1800 года по 1807-й семь лет времени много значили для меня в рассуждении физического укрепления и образования нравственного и вообще развития моих способностей. В это время самое блестящее и самое опасное, благодарение Богу, прошел я от уважения к самому себе безо всякого порока и раскаяния. Дурные примеры не имели на меня влияния, но добрые рождали во мне охоту к подражанию. Быть может, по тщеславию, свойственному летам молодости, но тем не менее полезному, Украина была для меня школою для дел торговых и нравственности. Проживание в Калуге на свободе и без дела едва не совратило меня с пути добродетели, охота к чтению, образуя мой ум, касалась и сердца – это полезная и похвальная склонность сохранила меня в молодости от многих глупостей, а может быть, и преступлений. Но чтение без выбору и доброго руководителя много вредило (Л. 4.) чистоте душевной и христианской нравственности. Домашнее житье было для меня неприятно, в отъезде привыкнув к образованному кругу, скучно было смотреть на домашние причуды, особливо некоторых особ, зараженных раскрещеванским изуверством. В сие время характер мой не имел еще ничего положительного и отличался неуступчивостью и пылкостью и имел много гордости. Эта гордость спасла меня от многих преступных дел совести, но она же едва не лишила благополучия и спокойствия в домашней жизни.

В это время я более по необходимости, нежели склонности, хотя занимался делами торговли и имел в том навык, но чувствовал к сему занятию какое-то отвращение. Причина сему неопытность, мечтательность, и ложное понятие о предмете, которого слабый и слишком пылкий рассудок обнять не имел сил и терпения. Время исправило этот недостаток во мне еще не поздно, и сделало полезным членом и семейства, и общества.

До 1807 года я мало имел влияния на дела торговли. Делал, но не более, как и что было поручено, в чем, однако же, старался быть столь рачительным и точным, что при всем рассеянии молодости, казался озабочен.

Торговые дела в Калуге и стороне Стародубской по тогдашнему времени были незначительны, но приносили хорошую пользу. Ими управлял батюшка. Украинские дела, коими распоряжался дядюшка А.П., отличались аккуратностью, точностью и свежестью, а не менее того и верно прибыли. Весь капитал наш состоял тогда от...до...

Около сего времени случилась несчастная кончина Николая Абрамовича Ломтева, в Калуге. Он дядя мне и по матери тоже дядя Нахоровым, был приказчиком у Гаврила Федоровича Морокуева. (Л. 5.) Тогда узнал я, что значат допросы, придирки и тюрьма, и как легко сцепление случаев заставить может самую невинность потерпеть поношение, утеснение и самое наказание. Его нашли висевшим на кушаке в своей комнате. Частный пристав, почитая его удавленником, приказал с кушака его снять, а меня, как одногородца и родственника, с другой квартиры пригласил быть при описи его имущества. Но медицинские чиновники на осмотре сказали, что он не удавился, а убит, чем дали сему делу ужасный ход. Частного отдали к суду, хозяев в острог, а меня с Петром и Иваном в полицию, где и содержали нас 11 дней. Дело длилось целый год, и семейство, где он квартировал, все страдало. При следствии перепрашивано более 500 человек, но ничего не открыто, и дело отдано на суд Богу. Покуда мы содержались, дома и Бог знает, каких не было о нас слухов; но мы после 11 дней неволи получили свободу, приехали в Ростов благополучно. Ник. Абр. Ломтев был хороший человек – знающий торговец, но имел страсть к вину, и она, кажется, ускорила его кончину. Андрей Нахоров наружностью весьма с ним схожен.

(Л. 6.) Около 1790 года выстроили каменный дом об одном этаже и перешли в него из деревянного общего, в котором жили до того вместе с Гаврилом Федоровичем. Каменный был построен на этом месте, где и теперешний, а общий деревянный был где теперь садик, и стоял лицом к самой канаве, и подле самой канавы, которая текла тогда среди улицы, так теперь на Заровье.

Раздел между Петром Федоровичем и Гаврилом Федоровичем произошел в 1784 года в апреле месяце, и с того времени дела стали вести каждый особенно. Капитал наш тогда состоял в 3000 р., что видно из счетных записок того времени. Там же показано, что свадьба дядюшки Андрея Петровича, бывшая в 1783 г., стоила всего 130 р.

1791 июня 22 в 4 часа пополудни скончалась жена дедушки Петра Федоровича, а моя бабка Анна Михайловна, из роду Кононовых, дочь Михайла Сергеевича. Я был тогда еще младенцем.

1792 апреля 29 в 7 часов утра помер родной брат моего родителя, а мой дядя Василей Петрович 21 года. Я по малолетству помнить его не могу, но впоследствии уже слышал, что он был человек добрый и дельный, смерть его навела прискорбие всем домашним, особливо дедушке, и совершенно решила его отложить намерение к женитьбе, которое он имел.

1795 года мая 25 выгорела улица Покровская. Пожар начался в час за полночь, в доме столяра Панькова (которого дом был тут, где ныне Жерновая площадь), и при сильном ветре пламя разлилось в мгновение и поглощало все. Пособия почти никакого дать было невозможно. (Л. 7.) Головки кидало на великое расстояние, от чего вдруг во многих местах загоралось. Наша улица была сначала в большой опасности, но потом ветер повернул в противоположную сторону, и Бог сохранил. 150 домов и 2 церкви соделались добычей пламени. Во всей улице постройка была деревянная, плохая и тесная, и сгоревшие церкви Покровская и Петра и Павла были тоже деревянные (последняя была на самом том месте, где ныне Съезжая [часть. – Е.К.]. После сего несчастья места в Покровской улице старыми владельцами по бедности уступлены новым достаточным, которые и начали застраивать домами каменными, по выдаваемым из полиции фасадам, к чему непосредственно содействовал тогдашний городничий Горбунов – любитель и знаток архитектуры. По сей части город многим ему обязан, он приучил обывателей находить выгоды в правильной и красивой постройке. Был

весьма человек умный и просвещенный, но до невероятности злой. Это время я помню будто сквозь сон.

1800 год памятен для семейства нашего, особенно для матушки, несчастною болезнью батюшки Ивана Петровича. Это был род ипохондрии до того сильной, что расстройство рассудка для всякого было заметно, что и продолжалось почти год. Но Господь по своему милосердию нас не оставил – и он выздоровел. Тогдашнему доктору Релю за советы и старание много обязаны. Я все это едва помню, и потому более, что сильные припадки болезни были летом, когда я был в Украине.

1800 года в июне дедушке Петру Федоровичу рассудилось каменный дом, в который перешли (Л. 8.) в 1790 году, сломать по причине кривизны и дурного расположения, как он говорил. Все тогдашнее семейство перевел жить в деревянную избу к тетке Агрофене Петровне, и дом немедленно сломал, и начал делать на месте том новый, тоже каменный, предполагая сделать оный в два этажа. Такое его распоряжение крайне огорчило всех домашних. Хоть он по своему характеру он редко уважал чьи-либо советы, особливо желание детей своих, но, однако же, на сей раз был принужден согласиться на их предложение, почему построили только один нижний этаж, оставили и его неотделанным, который и оставался в таком виде до 1807 года. А для проживания семейству решились на время выстроить на дворе деревянную связь о 6-ти комнатах, которую в течение лета 1800 года покончили. Из Украины приехали осенью мы в октябре, а семейство перешло в него до нас, в августе. В этом доме жили до 1810 г.; в нем я женился. Из него перешли в теперешний каменный, а деревянный стоял до 1822 года пустой, и весной 1822 сломан по причине ветхости. На месте, где он был, выстроены теперь беседка и баня каменные.

С 1805 года началась дружеская переписка моя с Диомидом Васильевичем. Мы хоть с самого детства жили вместе, и очень дружно, но потребность эта созрела вместе с годами и родилась не прежде, как в сем году. Первые опыты писем заключали в себе много детского и показывали еще незрелый ум. Они улучшались постепенно, и могут показывать истинный ход развития нравственных сил моих. В сем же году начал я вести свои замечания, а в порядок их приводить стал в 1823 году.

(Л. 9.) В 1804 году в Почепе во время Вознесенской ярмонки чувствовал я себя крайне нездоровым, было что-то похожее на лихорадку, но сопровождалось слабостью и склонностью ко сну. В Трубчевске [на] Троицкую болезнь еще более усилилась, а по приезде в Коренную превратилась в сильную спячку, с необыкновенным течением мокроты из носу, острой и клейкой, что продолжалось до самого приезда моего в Калугу на 25 июня. Тут я начал оправляться и почти совершенно выздоровел, но на правой стороне, на шее, показалась у меня опухоль, без боли и красноты, и стала очень скоро прибывать. Хозяин квартиры в Калуге дал мне какой-то травы, и я делал припарку с молоком, и, покуда припаривал, опухоль опадала, а переставал – снова усиливалась. Из Калуги поехал я в Ромен на июньскую; дорогою трава у меня вся вышла, но опухоль, беспрестанно увеличиваясь, начала меня беспокоить. Показалась и краснота, но без боли, а подобно налитому пузырю лежала на правом плече, и составляла по величине как бы другое лицо, мешала мне спать совершенно. В таком положении приехал я в Ромен, где тогда строили лавки на выгоне, для нашего ряду, и я между плотниками заметил одного, который имел болону на шее, точно как у меня, но уже затвердевшую. Начинаю его расспрашивать, и к ужасу моему узнаю, что и он страдал подобно мне, но, не имея способов вылечить, остался уродом. Этот страх заставил меня немедленно прибегнуть к лекарю, который после припарок, продолжавшихся целую неделю, мне опухоль прорезал, что сделал совершенно без боли. Материи вышло целый таз, какого-то кровавого гною. После операции носил я корпию в ране целых 6 месяцев, и теперь на память сего имею на шее с правой стороны знак, подобный ране от пули. Смолоду я хворал очень часто, но главные болезни были лихорадка и ногтеода, которые почти ежегодно у меня бывали.

(Л. 9.) 1807 года весной начали отделять каменный дом, в котором теперь живем. Склав два этажа, рассудили сделать еще меземин, что впоследствии послужило особенно для меня в величайшую пользу и удовольствие. Кончили совершенной отделкой 1810 года весной. Кроме буту и стен нижнего этажа стоил нам дом 18000 руб. Это было дешевое время

постройки. Внутреннее украшение и уборка мебелью делались по времени не в один раз, но исподволь.

1807 года ноября 10 дня – день моей свадьбы. С сей эпохи начинается важнейший перелом в делах, образе жизни и самом характере не только меня самого, что весьма естественно, но и некоторых лиц в семействе. Период единственный особенно для меня, не столько по естественному обстоятельству женитьбы, сколько по последствиям важным и решительным для меня на целую жизнь.

Препровождая свою молодость во всегдашней деятельности, я, так сказать, нечаянно очутился у сей решительной точки, не воображая нисколько, чтобы это так скоро со мной случилось, хотя я по пылкости не изъят был от мечтательных предположений, но все еще считал себя далеким от вступления в брак. Выключая 17-летнюю молодость, я имел множество других причин отлагать важное это обстоятельство. Суровый образ жизни нашего семейства, а более строптивость и деспотизм деда Петра Федоровича были важнейшие причины, для этих именно я не решался думать ни о каких блистательных союзах, хоть и мог надеяться на таковой с Домом г. Киселева. Но воля родителей, которой я не смел противиться, и судьба промысли – и расположили иначе моим жребием – и (Л. 11.) благодарю Бога, что это случилось так, а не иначе. Когда я нашел принужденным согласиться с волею родителей и желанием семейства, то испросил себе выбора со всею свободою, все еще надеясь, что дело кончится ничем, но не так случилось. Начато мною из одного повиновения, исполнилось на самом деле. Советы особ, на которых тогда я более полагался и сердечная склонность решили мой выбор. Что начала Катерина Борисовна, то некоторым образом решил голос дядюшки Андрея Петровича, и дочь Андрея Михайловича Серебrenикова стала моею супругою. Бог особенным милосердием своим благословил союз наш, а время оправдало мой выбор, основанный не на корысти или выгодах. Когда пишу сие, исполнилось уже 17 лет, как наслаждаюсь я редким счастьем супружеского благополучия, и с каждым днем благословляю милость Божию, наградившего меня супругою столь достойною и любезною, любовь которой составляет все мое счастье и радость.

Первые месяцы после свадьбы, едва успел я узнать опытом благополучие супружества, как испытал и сердечные оскорбления. Строптивость дедушки, его неумеренное взыскание оскорбляли каждодневно неуместную мою пылкость. Наветы, делаемые матушке теткой Катериной Борисовной, соделавшейся мне врагом из друга, отравляли счастье мое чувствительными огорчениями, тем более неотвратимыми, что пылкость и неопытность моя, при открытом и прямодушном характере, всегда и подавали ей к тому благоприятный случай. Но добрый нрав Миропии Андреевны и время соделавшие меня опытным и осторожным, а затем и скорая смерть тетки Катерины Борисовны, даровали семейству моему мир и благополучие.

(Л. 12.) Не должно умолчать и о том, что лета и зрелость, умеряя пылкость, руководствуют к благоразумной умеренности, а опыт научает быть терпеливым и с большим равнодушием сносить неприятности, и в презрении их находить мир душевный.

Со времени моей женитьбы началось в образе нашего семейства совершенное изменение. Хотя и не вдруг, но десять лет было достаточно переменить многое и приблизить к настоящему. Круг, в коем с моею женитьбою стали обращаться домашние, главнейше тому способствовал, а хорошие дела торговли и преклонность лет дедушки дали тому возможность. До моей женитьбы не смели в доме чаю пить явно, а пили хоть и ежедневно два раза, но все тихонько дедушки. Даже кушанья многие готовили секретно, потому кушал он особенно, рыбное, а как он иногда о том узнавал, то и стерег, лежа на печи – поутру, когда печку топить – пребывание его в кухне на печи было любимое.

С 1807 года, после тилзитского мира правительством запрещен был ввоз большей части заморских товаров, потребность коих заменили русские, чрез что торговля Украинская начала увеличиваться, и с 1807 года по 1812 приняла довольно обширный размер. С сего времени началось и мое непосредственное влияние на дела. В 1808 года Ильинскую в первой раз было товаров нами вывезено на 50 тыс., а прежде бывало не более как на 20 и 25 т. Дядюшка Андрей Петрович по болезни оставался в Ростове, и я управлял делами главной ярмарки, в

первой еще раз, и отменно счастливо. Отсюда начинается постепенное увеличение дел наших в Украине, которые при Божией помощи, зависели уже от меня. Дружество мое с г. Киселевым много способствовало к образованию моему в делах торговли, а данная мне от старших свобода распорядить делами позволила не теряя из виду собственных (Л. 13.) умеренных способов, во многом сообразоваться прекрасным распоряжен